

Дунай (9)

Во стольнѣм-то городе во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимира
У ёго было пированьё, да был поцесьён пир.
А-й было на пиру у ёго собрано:
Кнезья и бояра, купьци-гости торгóвы
И сильни-могущи богатыри
Да все поленици да приудалые.
Владимер-от князь ходит весёл-радочён,
По светлой-то грьдьни да он похаживат
Да сам из рецей да выговариват:
«Уж вы ой еси, князи да ноньце бояра,
Да все же купьци-гости торговые!
Вы не знаете ле где-ка да мне обрушници,
Обручници мне-ка да супротивници,
Супротивници мне-ка — да красной девици:
Красотой бы красна да ростом висока,
Лицё-то у ей да было б — белой снег,
Оци у ей — да быв у сокола,
Брови черны у ей — да быв два соболя,
А ресьнички у ей — да два цистых бобра?»
Тут и больш-от хороницьсе за средьнёго,
Да средьн-ёт хороницьсе за меньшого;
От меньших, сидят, — долго ответу нет.
А из-за того стола из-за средьнёго,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выстават тут удалой да доброй молодец,
А не прбвелик детинушка, плецьми широк,
А по имени Добрынюшка Микитиць млад.
Выстават уж он да низко кланеицсэ,
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты кнезь Владимир да стольне-киевской!
А позволь-ко-се мне-ка да слово молвити —
Не вели миня за слово скоро сказнить,
А скоро миня сказнить, скоре того повесити,
Не ссылай миня во сылоцьку во дальнюю,

Не сади во глубоки да тёмны подгрёбы!
У тя есь нонь двенаццэтъ да тюрем темных;
У тя есь там сидит как потюрёмшицёк,
Потюрёмшицёк сидит есь — да доброй молодець,
А по имени Дунай да сын Ивановиць:
Уж он много бывал да по другим землям,
Уж он много служил да нонь многим царям,
А царям он служил, много царицам,
Королям он служил да королевичам.
А не знат ли ведь он тебе обручницы,
А обручницы тебе да супротивницы,
Супротивницы тебе — да красной девицы?»
Говорит тут кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Уж вы слуги, мои слуги — да слуги верные!
Вы сходите-тко ведь ноньце да в темны подгрёбы,
Приведите вы Дуная сына Ивановиця».
Тут и скоро сходили да в тёмны подгрёбы,
Привели тут Дуная сына Ивановича.
Говорит тут кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Ивановиць!
Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,
Скажут, много живал, Дунай, по украинам,
Скажут, много ты служил, Дунай, многим царям,
А царям ты служил, много царицам,
Королям ты служил да королевичам.
Ты не знашь ли ведь где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне да супротивницы,
Супротивницы мне-ка — да красной девицы?»
Говорит тут Дунай как да сын Ивановиць:
«Уж я где не бывал — да ноньце всё забыл:
Уж я долго сидел нонь да в тёмной тёмнице».
Ище в та поре Владимир да стольне-киевской
Наливал ёму цюру да зелена вина,
А котора-де цюра — да полтара ведра;
Подносил он Дунаю сыну Ивановицю.
Принимал тут Дунай цюру да единой рукой,
Выпивал он ведь цюру да к единому духу;
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты кнезь Владимир да стольне-киевской!

Уж я много нонь жил, Дунай, по всем землям,
Уж я много нонь жил да по украинам,
Много служивал царям да я царевицам,
Много служивал королям я да королевичам.
Я уж жил-де-был в земли, да в земли в дальнее,
Я во дальней жил в Земли да Ляховицкое
Я у стремени у короля Данила сына Манойловица;
Я не много поры-времени — двенадцать лет.

Ище есь у ёго да как две доцери.
А больша-та ведь доци — да то Настасея,
Ище та же Настасья да королевичья;
Ище та же Настасья — да не твоя цёта,
Не твоя цёта Настасья и не тебе жона:
Ище зла поленица да приудалая.

А мала-та доци — да то Опраксея,
Ище та Опраксея да королевичья;
Красотой она красива да ростом высока,
А лицё-то у ей — дак ровно белой снег,
У ей ягодицы — быв красные мазовицы,
Ясны очи у ей — да быв у сокола,
Брови черны у ей — да быв два соболя,
А реснички у ей — быв два чистых бобра;
Ище есь-де кого дак уж кнегиной назвать,
Ище есь-де кому да поклонитисе!»

Говорит тут кнезь Владимир да стольне-киевской:

«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Ивановиць!
Послужи ты мне ноньце да верой-правдою;
Ты уж силы-то бери, да сколько тебе надобно, —
Поежджайте за Опраксеей да королевичьней.
А добром король даёт — дак вы и добром берите;
А добром-то не даст — берите силою,
А силою возьмите да богатырьскою,
А грозою увезите да княженецькою!»

Говорит тихой Дунай да сын Ивановиць:

«Государь ты кнезь Владимир да стольне-киевской!
Мне-ка силы твоей много не надобно —
Только дай ты мне старого казака,
А второго Добрыню сына Микитица:
Мы поедём за Опраксеей да королевичьней!»

То и будут богатыри на конюшин двор;
А седлали-уздали да коней добрых,
И подвязывали седёлышка черкафские,
И подвязывали под[п]руги да шолку белого —
Двенаццэтъ под[п]руг да шолку белого,
Тринаццата под[п]руга через хребетну кость:
«То не ради басы — да ради крепости,
А всё ради храбрости молодецкое
Да для-ради опоры да боғатырьского:
Не оставил бы конь да во цистом поли,
Не заставил бы конь меня пешом ходить!»
Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовое,
А смотрели поезку да боғатырьскую;
И не видели поезки да богатырьское,
А только они видели, как на коней садились;
Из города поехали не воротами —
Они через ту стену да городовую,
А через те башни да наугольные;
Только видели: в поли да курева стоит,
Курева-та стоит, да дым столбом валит.
Здрово стали они да полём цистыем;
Здрово стали они да реки быстрые;
Здрово стали они да в землю в дальнюю,
А во дальнюю Землю да в Ляховиськую,
А ко стремяну ко королю ко красну крыльцю.
Говорит тихой Дунай тут да сын Ивановичь:
«Уж вы ой еси, два брата названные —
А старой казак да Илья Муромець,
А второй-де Добрынюшка Мекитиць млад!
Я пойду нонь к королю как на красно крыльцё,
Я зайду к королю нонь на новы сени,
Я зайду к королю как в светлу да светлицю;
А що не тихо, не гладко уцинитьсе с королем да на новых сенях —
Затопцю я во середи кирпичьные;
Поежджайте вы по городу ляховиському,
Вы бейте тотаровей со старого,
А со старого бейте да вы до малого —
Не оставляйте на семяна тотарьские!»
Тут пошел тихой Дунай как на красно крыльцё —

Под им лисвѣнки-ти да изгибаюцьсѧ.
Заходил тихой Дунай да на новы сени;
Отворят он у грьдѣни да широки двери;
Наперѣд он ступат да ногой правою,
Позади он ступат да ногой левою;
Он крест-от кладѣт как по-писаному,
Поклон-от ведѣт он да по-уцѣному;
Поклоняецьсе на все на цѣтыре да кругом стороны,
Он во-первы-то королю ляховиському:
«Уж ты здрастуѣшь, стремян король Данило да сын Манойловиць!» —
«Уж ты здрастуѣшь, тихой Дунай да сын Ивановиць!
Уж ты ко мне приехал да на пиры пировать,
Але ты ко мне приехал да нонь по-старому служить?..»
Говорит тихой Дунай тут да сын Ивановиць:
«Уж ты стремян король Данило да сын Манойловиць!
Ище я к тебе приехал да не пиры пировать,
Ище я к тебе приехал да не столы столовать,
Ище я к тебе приехал да не по-старому служить.
Мы уж ездим от стольнѣго города от Киева,
Мы от ласкова князя да от Владимира;
Мы о добром дели ездим — да всё о сватосьви
На твоей на любимой да нонь на доцери,
На молодой Опраксеи да королевисьни.
Уж ты дашь, ли не дашь, или откажешь-то?»
Говорит стремян король Данило Манойловиць:
«У вас стольн-ѣт ведь город — да быв холопской дом,
А кнезь-от Владимир — да быв холопищо, —
Я не дам нонь своей доцери любимое,
Молодой Опраксеи да королевисьни!»
Говорит тихой Дунай тут да сын Ивановиць:
«Уж ты ой, стремян король Данило да сын Манойловиць!
А добром ты даѣшь — дак мы и добром возьмѣм,
А добром-то не дашь — дак возьмѣм силою,
А силой возьмѣм мы да богатырьскою,
Грозой увезѣм мы да княженецькою!»
Пошел тут Дунай да вон из горѣнки,
Он стукнул дверьми да в ободверины —
Ободверины-ти вон да обе вылетели,
Кирьписьни-ти печьки да рассыпалисе.

Выходил тут Дунай как да на новы сени,
Заревел-закрицел да громким голосом,
Затоптал он во середи кирпичные:
«Уж вы ой еси, два брата названные!
Поежджайте вы по городу ляховиському,
Вы бейте тотаровьей со старого,
Со старого вы бейте да и до малого —
Не оставляйте на семена тотарские!»
Сам пошел тихой Дунай тут да по новым сеням,
По новым сеням пошел да ко третьим дверям;
Он замки-ти срывал да будто пуговицы.
Он дошел до Опраксеи да королевисни:
Опраксеюшка сидит да ведь красеньца ткёт,
А ткёт она сидит да золоты красна.
Говорит тихой Дунай тут да сын Ивановиць:
«Уж ты ой, Опраксея да королевисня!
Ты получше которо — дак нонь с собой возьми,
Ты похуже которо — да то ты здесь оставь;
Мы возём-увезём да тибя за кнезя,
А за кнезя да за Владимире!»
Говорит Опраксея да королевисня:
«А нету у мя нонь да крыла правого,
А правого крылышка правільнёго:
А нету сестрици у мя родимое,
Молодой-де Настасьи да королевисни —
Она-то бы с вами да приуправилась!..»
Ище в та поре Дунай тут да сын Ивановиць
Он брал Опраксею да за белы руки,
За её же за перстни да за злаченые,
Повёл Опраксею да вон из горёнки.
Она будёт супротив как да дверей батюшковых —
А сама говорит да таково слово:
«Государь ты родитель да мой батюшко!
Ты пощо же миня нонь да не добром отдаёшь,
А не добром ты отдаёшь — да ведь уж силою;
Не из-за хлеба давашь ты да не из-за соли —
Со великого давашь ты да кроволитея?
Ище есь где ведь где ле да у других царей
А есь-де у их да ведь и доцери —

Всё из-за хлеба дают да из-за соли!»
Говорит тут король да ляховиськие:
«Уж ты тихой Дунай ты да сын Ивановиць!
Тя покорно-де просим хлеба-соли кушати!»
Говорит тихой Дунай тут да сын Ивановиць:
«На приездеинах гостя не употчовал —
На поездинах гостя да не уцёствовать!»
Выходил тут Дунай да на красно крыльцо;
Он спускалса с Опраксеей да с королевисьней;
Садил-де он ей да на добра коня,
На добра коня садил да впереди себя.
Вопел он, крицел своим громким голосом:
«Вы ой еси, два брата названые!
Мы поидём же нонь да в стольне Киев-град!»
Тут поехали они да в стольне Киев-град.
А едут-де они да ведь цистым полём —
Церез дорогу тут лошадь да переехала,
А на ископытях у ей подпись подписана:
«Хто-де за мной в сугон погоницсэ —
А тому от миня да живому не быть!»
Говорит тихой Дунай тут да сын Ивановиць:
«Уж ты ой, старой казак ты да Илья Муромець!
Ты возьми у мя Опраксею да на своя коня,
На своя коня возьми ты да впереди себя:
А хоша ведь уж мне-ка ды живому не быть,
Не поступлюсь я поленици да на цистом поли!»
А сам он старику да наговариват:
«Уж ты ой, старой казак да Илья Муромець!
Ты ус цёсно доведи до князя до Владимирера
Ище ту Опраксею да королевисьню!»
А тут-то они да и розъехались;
Поехал Дунай за поленицею,
А боғатыри поехали в стольне Киев-град.
Он сустыг поленицю да на цистом поли.
А стали они да тут стрелетисе.
Как устрэлила полениця Дуная сына Ивановиця —
А выстрелила у ёго да она правой глаз.
А стрелял Дунай да поленицю опять —
А выстрелил ей да из седёлка вон

Тут и падала полениця да на сыру землю.
А на ту пору Дунаюшко ухватцив был:
Он и падал поленици да на белы груди,
Из-за налуцьця выхватывал булатной нож,
Он хоцёт пороть да груди белые,
Он хоцёт смотреть да ретиво серьцё,
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, полениця да приудалая!
Ты уж коёго города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, полениця, да именём зовут,
Тебя как звелицеют да из отецесьва?»
Лёжоцись полениця да на сырой земли,
А сама говорит да таково слово:
«Кабы я была у тя на белых грудях —
Не спросила бы не имени, не вотчины,
Не отецесьва я, не молодецесьва:
Я бы скоро порола да груди белые,
Я бы скоро смотрела да ретиво серьцё!..»
Замахнулса тут Дунай да во второй након —
А застоялась у ёго да рука правая;
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, полениця да приудалая!
Ты уж коёго города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тибя как, полениця, да именём зовут,
Тибя как зве[ли]цеют да из отецесьва?»
Лёжоцись полениця да на сырой земли,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, тихой Дунай сын Ивановиць!
А помнишь ли ты але не помнишь ли?
Похожоно было с тобой, поезджоно
По тихим-то вёшным да всё по заводям;
А постреляно гусей у нас, белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей!»
Говорит тут тихой Дунай сын Иванович:
«А помню-супомню да я супамятую —
Похожоно было у нас с тобой, поезджоно,
На белых твоих грудях да приулёжано!..»

Уж ты ой еси, Настасья да королевисьня!
Увезли ведь у вас мы нонь родну сёстру,
Ище ту Опраксею да королевисьню —
А за кнезя да за Владимира.
А поедём мы с тобой в стольне Киев-град!»
Тут поехали они как да в стольне Киев-град
А ко князю Владимиру на свадёбку.
А приехали они тут да в стольне Киев-град,
Пировали-столовали да они у князя.
Говорит тут ведь тих[о]й Дунай сын Ивановиць:
«Государь ты кнезь Владимир да стольне-киевской,
Ты позволь-ко-се мне-ка да слово молвити!
Хошь ты взял нонице меньшу сёстру —
Бласлови ты мне взеть ноньце большу сёстру,
Ише ту же Настасью да королевисьню!»
Говорит тут кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Тибє Бог бласловит, Дунай, женитисе!»
Весёлым-де пирком да то и свадёбкой
Поженилса тут Дунай да сын Ивановиць.
То и сколько ли времени они пожили,
Опеть делал Владимир да князь почесьен пир.
А Дунай на пиру да приросхвасталсэ:
«У нас нет нонь в городи сильне миня,
У нас нету нонь в Киеви горазне миня!»
Говорила тут Настасья да королевисьня:
«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Ивановиць!
А старой казак будёт сильне тибя,
Горазне тебя дак-то и я буду!»
А тут-то Дунаю да не зандравилось,
А тут-то Дунаю да за беду прышло,
За велику досаду да показалосе.
Говорит тут Дунай да сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевисьня!
Мы пойдём-ко с тобой нонь да во цисто полё;
Мы ус станём с тобой да нонь стрелетисе,
Мы во дальнюю примету да во злачен перстень!»
И пошли-де они да во цисто полё.
И полóжила Настасья перстень да на буйну главу
А тому же Дунаю сыну Ивановицю;

Отошла-де она да за три попрыща,
А и стрелила она да луком ярым-е —
Ище на́двоё перстень да росколупицьсе,
Половинка половиноцьки не ўбьёт же!
Тут и стал-де стрелеть опеть Дунаюшко:
А перв-от раз стрелил — дак он не дострелил,
А втор-от раз стрелил — дак он перестрелил.
А и тут-то Дунаю да за беду прышло,
За велику досаду да показалосе:
А метит-де Настасью да он уж третьей раз.
Говорыла Настасья да королевисьня:
«Уж ты ой, тихой Дунай ты да сын Ивановиць!
А-й не жаль мне кнезя да со кнегиною,
И не жаль сёго мне да свету белого —
Тольки жаль мне в утробы да млада отрока!»
А тому-то Дунай да не поваровал:
Он прямо спустил Настасьи во белы груди —
Тут и падала Настасья да на сыру землю.
Он ус скоро-де падал Настасьи на белы груди,
Он ус скоро порол да груди белые,
Он и скоро смотрел да ретиво серьцё.
Он нашол во утробы да млада отрока —
На лобу у ёго подпись-та подписана:
«А был бы младень этот силён на земли!»
А тут-то Дунаю да за беду стало,
За велику досаду да показалосе.
Становил ведь уж он своё востро копьё
Тупым-де коньцём да во сыру землю,
Он и сам говорил да таково слово:
«Протеки от меня и от жоны моей,
Протеки от меня — да славной тихой Дон!»
Подпиралсэ ведь он да на остро копьё —
Ище тут-то Дунаю да смерть слуциласе.
А затем-то Дунаю да нонь славы поют,
А славы-ты поют да старины скажут.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от
Анны Петровны Чуповой (урож. д. Гришине на р. Вижас), 72 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.